

Я открылась миру слишком юной.

*Одни вещи стоит отпустить,
Другие — нет,
Вопрос в том, как их различить.*

Эмили Берри. Игра чисел

Теперь мы знаем, что воспоминания не хранятся в мозге в фиксированном или замороженном виде, как продукты в леднике, а видоизменяются, рассыпаются на фрагменты, снова воссоздаются из них и по-новому классифицируются при каждом акте припоминания.

Оливер Сакс. Галлюцинации*

* Пер. с англ. А. Анваера. — *Здесь и далее примеч. пер.*

СМЕРТЕЛЬНАЯ ЗАВОДЬ

ЛИББИ

— *Еще! Еще раз!*

Мужчины опять связывают ее. На этот раз иначе: левую руку привязывают за большой палец к правой стопе, а правую руку — к левой. Вокруг талии затягивают веревку. И тащат в воду.

— *Пожалуйста...* — *молит она, потому что не уверена в том, что ей удастся пережить тьму и холод.*

Она хочет вернуться в свой дом, которого больше нет, в те времена, когда они с тетей сидели у очага и рассказывали друг другу разные истории. Она хочет оказаться в своей постели, хочет снова стать маленькой и вдыхать запах дыма, цветов и родного тепла своей тети.

— *Пожалуйста.*

Она тонет. Когда ее вытаскивают во второй раз, у нее губы синего цвета, и она больше не дышит.

Часть первая

2015

Джyлс Эбботт

Ты хотела мне что-то рассказать, верно? Что именно? У меня такое чувство, будто я давно перестала слушать, отвлеклась и, задумавшись о чем-то другом, постороннем, совершенно утратила нить разговора. Но теперь я вся внимание. Хотя никак не могу избавиться от мысли, что пропустила что-то очень важное.

Когда ко мне пришли, я разозлилась, но сначала почувствовала облегчение... Если вы заняты поиском билета на поезд, торопясь успеть на работу, а на пороге вашего дома появляются два сотрудника полиции, вы думаете, что произошло нечто ужасное. Я испугалась за людей, которые мне дороги: за своих друзей, за бывшего мужа, за сослуживцев. Но полицейские объяснили, что речь не о них, а о тебе. Вот почему в первый момент я испытала облегчение, а потом узнала, что случилось и что ты сделала. Они сообщили, что тебя нашли в воде, и меня охватила злость. Злость и страх.

Я подумала о том, что скажу тебе, когда доберусь до места. Что знаю, почему ты так поступила — чтобы

расстроить и напугать меня, отравить мне жизнь. Чтобы привлечь мое внимание и заставить вернуться туда, куда нужно тебе. Что ж, Нел, у тебя получилось. Я приехала в город, возвращаться в который не собиралась, и мне предстоит позаботиться о твоей дочери и разобраться в оставленном тобою бардаке.

Понедельник, 10 августа

Джош Уиттакер

Что-то меня разбудило. Я слез с кровати, чтобы сходить в туалет, и, заметив, что дверь в спальню родителей открыта, заглянул и увидел, что мамы в кровати нет. Папа, как обычно, храпел. Часы показывали 4.08. Я решил, что она, наверное, внизу. Мама страдала бессонницей. Вообще-то проблемы со сном были у обоих родителей, но папа принимает такие сильные таблетки, что можно стоять у кровати и кричать ему в ухо, а он все равно не проснется.

Я тихо спустился, потому что мама часто включает телевизор и смотрит скучные рекламные ролики о разных устройствах, которые помогают похудеть, вымыть пол, нарезать овощи или еще что-нибудь, и снова засыпает. Но телевизор не работал, на диване ее тоже не оказалось, поэтому я понял: она куда-то ушла.

Такое бывало и раньше, о нескольких случаях я знал точно. Не могу же я всегда быть в курсе, где кто находится. В первый раз она объяснила, что просто вышла подышать свежим воздухом, но в другой день, когда я проснулся, а ее не было дома, я выглянул в окно и увидел, что ее машины нет на обычном месте.

Я думаю, что она, наверное, ездит к реке или на могилу Кэти. Я тоже иногда так делаю, хотя и не среди ночи.

Я бы побоялся бродить в темноте, к тому же мне точно было бы не по себе, ведь именно так и поступила Кэти: она встала ночью, пошла на реку и больше не вернулась. Но я понимаю, почему мама это делает: у реки она чувствует себя ближе к Кэти, если не считать ее комнаты — я знаю, что иногда мама заходит в нее. Комната Кэти находится рядом с моей, и я слышу, как мама там плачет.

Я сел на диван, собираясь подождать ее, и, наверное, заснул, потому что, когда меня разбудил звук открывающейся входной двери, было уже светло, а часы на камине показывали четверть восьмого. Я слышал, как мама, закрыв за собой дверь, быстро поднялась по лестнице.

Я направился за ней. Остановившись у спальни родителей, я посмотрел в щелку. Мама стояла на коленях возле кровати со стороны папы, вся красная, будто долго бежала, расталкивала его и с надрывом говорила:

— Алек, проснись. Проснись! Нел Эбботт мертва! Ее нашли в воде. Она прыгнула с обрыва.

Мне кажется, я молчал, но, видимо, издал какой-то звук, потому что мама посмотрела в мою сторону и, заметив меня, вскочила.

— Господи, Джош! — воскликнула она, подходя ко мне. — О, Джош!

По ее лицу текли слезы. Она крепко обняла меня. Когда я выбрался из объятий, она все еще плакала, но на ее лице была улыбка.

— Дорогой ты мой, — сказала она.

Папа сел в кровати, потирая глаза. Чтобы окончательно проснуться, ему надо много времени.

— Я не понимаю. Когда... ты хочешь сказать прошлой ночью? Откуда ты знаешь?

— Я вышла купить молока, — объяснила она. — И все об этом говорили... в магазине. Ее нашли сегодня утром.

Она села на кровать и снова начала плакать. Папа обнял ее и посмотрел на меня — взгляд у него был странный.

— А куда ты ходила? — спросил я.

— В магазин, Джош. Я же сказала.

Мне хотелось возразить. Ее не было несколько часов, и выходила она точно не за молоком. Но я промолчал, потому что родители сидели на кровати, смотрели друг на друга и казались счастливыми.

Вторник, 11 августа

Джулс

Я все помню. Гора подушек на заднем сиденье фургона — граница, разделяющая наши территории. Мы едем на лето в Бекфорд: ты оживлена и возбуждена, не в силах дожидаться, когда мы окажемся на месте, а на мне лица нет. Меня укачало, и я изо всех сил сдерживаю тошноту.

Это не просто воспоминание, это то, что я снова почувствовала. Началось это после обеда, и я, сгорбившись над рулем как старуха, ехала быстро и неумело, забираясь на поворотах на середину дороги, тормозя слишком резко и шархаясь в сторону при виде встреч-

ных машин. Мне это свойственно: каждый раз, когда я вижу, как навстречу по узкой дороге движется белый фургон, и собираюсь взять немного в сторону, меня так и подмывает сделать наоборот и поехать прямо на него, и не потому, что мне так хочется, а потому, что я не могу иначе. Как будто в последний момент я все равно не удержусь. Словно человек, который, стоя на краю утеса или железнодорожной платформы, чувствует, как сзади его подталкивает невидимая рука. А что если? Что если просто шагнуть вперед? Если просто крутануть руль?

(В конце концов, мы с тобой не так сильно отличаемся друг от друга.)

Меня поразило, как хорошо я это помнила. Слишком хорошо. Почему же так получается, что я отлично помню происходившее со мной в восемь лет и никак не могу вспомнить, попросила ли коллег перенести оценку клиента на следующую неделю? Я не могу запомнить то, что хочу, а то, что стараюсь забыть, продолжает всплывать в памяти. Чем ближе я подъезжала к Бекфорду, тем больше убеждалась: прошлое накачивало на меня так же явственно и неотвратимо, как слышалось чирикание воробьев, прятавшихся в живой изгороди.

Вся эта пышность, изумрудная зелень травы, яркая желтизна растущего на холме кустарника разбудили во мне хлынувшие потоком воспоминания. Вот меня четырех-пятилетнюю несет в воду папа, а я вырываюсь и визжу от восторга; вот ты прыгаешь в воду со скал, каждый раз забираясь все выше и выше. Пикники на песчаном берегу и вкус крема от загара на языке; ловля жирной коричневой рыбы в стоячей мутной воде вниз по течению от мельницы. Ты приходишь домой, и по

ноге у тебя течет кровь. Ты содрала кожу, неудачно прыгнув, и теперь, пока папа обрабатывает тебе рану, кусаешь кухонное полотенце, чтобы не заплакать, — я не должна видеть твоих слез. Мама в светло-голубом сарафане варит для нас на кухне кашу на завтрак — она босиком, стопы у нее темного ржаво-коричневого цвета. Папа сидит на берегу и делает наброски. Позже, когда мы уже стали постарше, ты в джинсовых шортах и лифе от купальника под футболкой тайком сбегашь на свидание. И не просто к парню, а к тому самому парню. Мама, хрупкая и сильно похудевшая, дремлет в кресле в гостиной; папа исчезает на долгих прогулках с пухленькой женой викария, бледной, в шляпке, защищающей от солнца. Я помню ту игру в футбол. Горячее солнце на воде, все глазают на меня; я смаргиваю слезы, бедро перепачкано кровью, в ушах звенит их смех. Я до сих пор его слышу. Его и несмолкаемое журчание воды.

Я так глубоко погрузилась в воспоминания, что не заметила, как оказалась в центре города. Он вдруг возник, будто по мановению волшебной палочки, и не успела я оглянуться, как уже медленно пробиралась по узким улочкам, заставленным внедорожниками. Теперь я осторожно ехала в сторону церкви и старого моста, и боковым зрением видела пятна розового камня. Я не сводила глаз с дороги перед собой и старалась не смотреть на деревья и реку. Старалась не смотреть, но все равно видела.

Я остановилась на обочине и заглушила двигатель. Бросила взгляд вверх, на деревья и каменные ступени, покрытые зеленым мхом и скользкие после дождя. По телу пробежали мурашки. Перед глазами возникла картина: холодные капли дождя барабанят по асфальту;

реку и небо выхватывают из мрака вспышки синих мигалок и молний; изо ртов охваченных ужасом людей вырываются клубы пара; маленького, смертельно бледного, дрожащего мальчика ведет по ступенькам женщина-полицейский. Она держит его за руку, ее глаза широко раскрыты и полны ужаса, она оглядывается по сторонам, подзывая кого-то. Меня по-прежнему переполняют те же чувства, что и в ту ночь: страх и возбуждение. У меня в ушах по-прежнему звучат твои слова: «Ты можешь себе представить, каково это? Видеть, как умирает твоя мать?»

Я отвернулась. Потом завела машину, выбралась обратно на дорогу и проехала по мосту, за которым дорога становилась извилистой. Я вспоминала, где нужный поворот: первый слева? Нет, не этот, следующий. А вот и Милл-Хаус — внушительное каменное строение бурого цвета. По холодной влажной коже снова побежали мурашки, сердце учащенно забилось, и я въехала через открытые ворота на подъездную дорожку.

Стоявший там мужчина смотрел на экран мобильного. Полицейский в форме. Он быстро подошел к моей машине, и я опустила стекло.

— Я Джулс, — сказала я. — Джулс Эбботт. Я... ее сестра.

— О! — смутился он. — Да. Верно. Конечно. Пожалуйста, — он оглянулся на дом, — там сейчас никого нет. Девушки... вашей племянницы... сейчас нет дома. Я даже не знаю, где... — Он вытащил из-за пояса рацию.

Я открыла дверцу и вылезла из машины.

— Я могу пройти в дом? — спросила я и перевела взгляд на открытое окно в твоей старой комнате.